

ется к нему на вышку.) Аня звонила. Они собираются в декабре, если ничего не помешает. У Джона тут какие-то дела в Москве, фирма оплачивает дорогу.

ОДИНЦОВ. Хорошо.
ВАЛЕНТИНА. Спрашивала, как у папы с докторской. Я сказала: все идет своим чередом. Вот будет интересно, когда они тебя здесь увидят.

ОДИНЦОВ. А что особенного. Видишь, вон в черных очках, с метлой? Полковник Генерального штаба. А напарник мой, он на том краю — Дедов Борис Иванович.

ВАЛЕНТИНА. Какой Дедов?
ОДИНЦОВ. Похоже, что тот самый.

ВАЛЕНТИНА. Ты с ума сошел. Это тот, что тебе тогда кислород перекрыл? И кто он теперь?

ОДИНЦОВ. Сторожем, как видишь. На пенсию.

ВАЛЕНТИНА. Шуганули, значит?

ОДИНЦОВ. Надо понимать. Я не спрашивал.

ВАЛЕНТИНА. Так это с ним ты выпиваешь?

ОДИНЦОВ. Откуда ты взяла?

ВАЛЕНТИНА (показывает). Бутылка.

ОДИНЦОВ (не сразу). Ну...да.

ВАЛЕНТИНА. Врать не умеешь.

ДЕДОВ. Не умею.

ВАЛЕНТИНА. Ну, ты с ним общались хоть?

ОДИНЦОВ. По поводу? Зачем? Появляется Дедов.

ДЕДОВ. Ермолаич, ты здесь еще? Я потопал.

ОДИНЦОВ. Давай.

ДЕДОВ. Супруга?

ОДИНЦОВ. Да.

ДЕДОВ. Пирожки у вас вкусные. Спасибо.

ВАЛЕНТИНА. Не за что.

ДЕДОВ. В тесто добавляете масла, да, горчичного? Прав я или нет? (Уходит.)

ВАЛЕНТИНА. Это он?

ОДИНЦОВ. Дедов, да.

ВАЛЕНТИНА. И все у вас тут такие?

ОДИНЦОВ. Может быть. Не исключаю.

ВАЛЕНТИНА. Послушай, Ермолаич! Я надеюсь, у тебя эта блажь пройдет. К ноябрю, по крайней мере. Мне было бы очень неприятно, если бы Джон тебя здесь увидел.

ОДИНЦОВ. Почему? Наоборот. Он бы как раз оценил. Он теперь американец.

ВАЛЕНТИНА. В общем, ты меня услышал, я надеюсь. (Спускается по лесенке. И уже снизу, громко.) И иди домой, если ты уже закончил. Домой, домой!

ОДИНЦОВ. Я сменщика жду.

ВАЛЕНТИНА. Он тоже Ермолаич?

ОДИНЦОВ. Касьяныч.

Она удаляется. Одинцов остается в одиночестве. Шарит по карманам, находит визитную карточку. Огляделся. Взглянул на телефон.

Елена Васильевна? Это с автостоянки, Ермолаич. Вы слышите меня? Я договорился. Когда нужна машина, к какому часу? Хорошо. Это какой дом? Понятно. Подъезд? Подняться? Хорошо, я скажу ему, он поднимется. Скажет, что от меня, правильно. Не за что. Пока.

3. Полдень.

Ее квартира. Предоставим это вашей фантазии.

Звонок, опять же мелодия. Она идет открывать.

Входит Одинцов.

ОНА. Вы?

ОДИНЦОВ. Да.

Тут, видите, неувязочка вышла с этим человеком. Не смог в последний момент. Но я — уж поскольку обещал.

ОНА. А у вас машина?

ОДИНЦОВ. Да. Имеется. "Москвич", правда, если не побрезгуете.

ОНА. Мне все равно. Лишь бы ходила.

ОДИНЦОВ. Ходит.

ОНА. Хорошо. Вы человек слова. Но я не готова еще. Вам придется подождать. Время будем считать с этого часа, идет?

ОДИНЦОВ. Ну а чего же? Как скажете. Где мне вас ждать?

ОНА. А здесь. Можем выпить с вами кофе.

ОДИНЦОВ (продолжает стоять, смотрит на нее пристально, будто не веря своим глазам). Надя...

ОНА. Это не Надя, успокойтесь. Давайте кофе. Вы еще, по-моему, не проснулись. А может, яичницу?

ОДИНЦОВ. Я завтракал, спасибо.

ОНА. Больше ничего предложить не могу. Когда мужа нет, я не готовлю. Вы спите?

ОДИНЦОВ. Нет.

ОНА. Закрывает глаза.

ОДИНЦОВ. Слушаю.

ОНА. Что?

ОДИНЦОВ. Ваш голос, извините.

ОНА. Мой голос? А то, смотрите, можете прилечь. Не стесняйтесь. Вы кто на самом деле?

ОДИНЦОВ. Я?

ОНА. Вы ведь никакой не сторож, я так понимаю. Там у вас, по-моему, все прикидываются, нет? Вот этот ваш напарник — он ведь министр какой-то? Я сразу поняла.

ОДИНЦОВ. А вы кто?

ОНА. Мужняя жена. Что вы все осматриваетесь? Это не наша квартира. Тут в этом доме все в чужих квартирах, хозяева сдают. Наш — какой-то партийный босс бывший, пять комнат, сам где-то с семьей на даче, дочь приезжает за деньгами. Пейте, глаза сразу откруются. А может, чего покрепче? Хотите?

ОДИНЦОВ. Я ведь на машине, нам с вами ехать.

ОНА. Да. (Смеется.)

ОДИНЦОВ. Я закрыл глаза, потому что слушаю ваш голос. Он точно совпадает, один к одному. И вы вся. Ее звали Надей.

ОНА. Я уже поняла. Но это не я. Меня Лелей зовут. Ольга — настоящее имя.

ОДИНЦОВ. А почему Елена?

ОНА. Можно и так. Елена. А вы? Ерофеич? Ерофеич — это водка. Ермолаич.

ОДИНЦОВ. Да.

ОНА. Скрываешься?

ОДИНЦОВ. Отчасти.

ОНА. Я знаю людей, которые скрываются. Я сама скрываюсь. Но нет, не от органов правосудия. От прошлой жизни. Как и вы.

ОДИНЦОВ. Я никого так в жизни не любил. Я думаю, что и она меня. Мы расставались и тут же начинали звонить друг другу. И так — часами. Я не помню, о чем мы говорили, я слушал ее голос, я пьянел от ее

голоса. А иногда мы молчали в трубку. А наутро я бежал к ней, мы ночью не могли быть вместе, у нее отец и мать, тогда еще было такое время, нам обоим по двадцать три, я на пятом курсе, она уже закончила, мы должны пожениться, я нашел комнату, друг уехал на Сахалин, и вот тогда я услышал этот голос в последний раз. Она сказала: не приходи и прости, если можешь, я выхожу за другого человека, за богатого.

ОНА. Так и сказала?

ОДИНЦОВ. Нет, она этого не говорила, это я узнал после. Я не помню, что со мной было, я караулил ее, я стерег. Она жила в таком переулке — Последнем, так он назывался. Последний переулок на Сретенке, и я стоял там в подворотнях часами, чтобы только увидеть их вместе. Зачем? Это были наши подворотни, парадные, в них мы любили друг друга, когда я ее провожал. И теперь они шли мимо, а я прятался, выходил и шептал: оглянись! — но она не оглядывалась, они так мило болтали. Он был старше ее лет на десять, из богатой семьи, отец адвокат, и сам он адвокат, теперь иногда вижу по телевизору, а ее я не встречал ни разу за столько лет в Москве. Ни в театре, ни на улице, ни в метро — никогда. Я выпью?

ОНА. Да. И я с вами, понемножку.

ОДИНЦОВ. Я этого не мог понять. Ушла к богатому, Это только в книжках, так я думал. Как это может быть в наше время? Богатые, бедные. Этого же ничего не было, так я думал. Ушел в армию, брали нас тогда. К черту на рога. Поселок Витим, Иркутская область. Там девушка. Какой-то она потомок декабристов. Пожалела меня. Женится. Теперь всю жизнь перед нею виноват.

ОНА. А что же ваша Надя? Вот так-таки за все годы... И не пытались хоть что-то узнать? Счастлива она, нет?

ОДИНЦОВ. Не знаю. Ничего не знаю. Мы выпьем еще, нет? Вы все молчите. Скажите что-нибудь вашим голосом. Скажите: Олег.

ОНА. Олег — это кто?

ОДИНЦОВ. Это я. (Захмелел.) А он кто — твой муж? Он старый?

ОНА. Нет, молодой. Моложе меня. Его зовут Артем. Он ростом под потолок.

ОДИНЦОВ. Я — Одинцов Олег Викентьевич, кандидат технических наук, работал в ящике, в секретном, теперь он уже не секретный, и я не секретный — и вот здесь, с вами... Мы поедем сегодня?

ОНА (с улыбкой). Не думаю.

ОДИНЦОВ. Я — как стеклышко, учтите. Можем. Пожалуйста.

ОНА. В другой раз.

ОДИНЦОВ. Завтра.

ОНА. Завтра — нет. Завтра он приезжает. На один день. Я вам позвоню. Туда, в будку, у меня есть номер. Вы когда будете?

ОДИНЦОВ. Он кто у вас? Где работает?

ОНА. Все вам расскажи. Он у себя работает. Богатый, богатый. Это — уже в дверях, провожая его.

4. Вечер. Августоянка.

Прожектора. Настольная лампа. Одинцов над книгой.

ОДИНЦОВ (читает). "Я знала, что вы здесь, — сказала она. — Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса... — Мы давно не виделись, — сказал я. — Давно, и переменялись оба во многом! — Стало быть, уж ты меня не любишь?.. — Я замужем, — сказала она. — Опять?.."

Сигналит чья-то машина. Фары.

ОДИНЦОВ (в мегафон). Проезжайте, открыто. И на ручник, пожалуйста... Подфарники! Тот раз опять забыли. (Продолжает.) "Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали. — Может быть, ты любишь своего второго мужа?.. Или он очень ревнив?.. Что ж, он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься... Скажи мне, — наконец прошептала она, — тебе очень весело меня мучить?.. С тех пор, как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий... — Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою... Может быть, подумал я, ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда..."

Зачитавшись, он не заметил Дедова, уже поднывавшего к нему и ставшего за спиной.

ДЕДОВ. Что читаем? "Герой нашего времени". Читал когда-то. Дашь потом. Слушай, машина эта разбитая — надо что-то делать, куда-то ее... Алик придет — он этого не любит, с тебя спросит, учти. Он знает кто, этот Алик? Алекпер по-ихнему, по-муслимански. А баба-то, смотри: разбил машину, и хоть бы хны. Ремонт знаешь, во что станет? Это не сосчитать. Ну ничего, там муж. В моем доме живут, снимают. Ты видел мужа?

ОДИНЦОВ. А что?

ДЕДОВ. Такой амбал здоровый, бизнесмен или кто он там, лет двадцать пять парню, а ей все сорок.

ОДИНЦОВ. Ну уж прямо.

ДЕДОВ. Ты посмотри поближе, ты ее близко видел? Да это проверить можно, если на то пошло. В общем, конечно, с них причитаются — за то, что так вот стоит аварийная, понимаешь, машина — ни справки, ничего. Пускай платят. Она ничего тебе не говорила? Ладно, Одинцов. Тут осталось у меня. (Бутылку — из кармана.) Одинцов — правильно? Вся жизнь память на фамилии, это оттого, что с людьми работал. Одинцов. Дача у меня в поселке Одинцово. Была, можно сказать. Отдал зря.

ОДИНЦОВ. В пинг-понг играли.

ДЕДОВ. Говорил я тебе? Рассказывал? Видишь как, повторяться стал. И супруга мне это говорит. Повторяться, мол, стал. Немудрено, знаешь. После всего. Ты знаешь, кем я был? Когда-нибудь тебе расскажу, если не понял. Где это все?

Ладно, давай по чуть-чуть. (Выпили.) Этот муж у нее второй, если не третий. Моя жена ее откуда-то знает, еще с первым мужем. Такие бабы, они, знаешь, не промахнутся. Это раньше могла дать задаром. Честные давалки, если помнишь, был такой термин. Теперь хрен ты так получишь. За все плати. Что, не понравилось — не выпил? Хорошо, хороша водка, я плохих не употребляю, лучше совсем не выпью.

Телефонный звонок.

ОДИНЦОВ. Это мне. (Резко берет трубку.) Слушаю! Я так и подумал. Надя. Да, Надя. Ждал, конечно.

Высвечивается часть комнаты: Она с телефоном на коленях.

ОНА. Я думала о тебе.

ОДИНЦОВ. Да, конечно.

ОНА. Ты не можешь говорить?

ОДИНЦОВ. Могу!

ОНА. Я думала о тебе.

ОДИНЦОВ. Я тоже.

ОНА. Олег!

ОДИНЦОВ. Да, это я.

ОНА. Знаешь, тогда в Последнем переулке я чувствовала, что ты где-то рядом, и я оборачивалась, ты не заметил. Окликни ты меня, я бы, наверно, не выдержала. Ты слушаешь меня? Ты где?

ОДИНЦОВ. Я здесь.

ОНА. Почему ты меня тогда не окликнул?

ОДИНЦОВ. Как ты себе это представляешь? Алло! Ты замолчала?

ОНА. Да.

ОДИНЦОВ. Как завтра? Мы едем?

ОНА. Нет.

ОДИНЦОВ. Когда?

ОНА. Я тебе позвоню. Пока.

ОДИНЦОВ. Я кладу трубку?

Одинцов кладет трубку. Дедов смотрит на него с нескрываемым интересом. Сигналит чья-то машина.

ДЕДОВ. Журналист приехал на шестерке.

ОДИНЦОВ. Откуда ты знаешь?

ДЕДОВ. Слышу. Там открыто у тебя?

ОДИНЦОВ. Да.

ДЕДОВ. Журналисты нынче богатый народ. Постояй-ка, а вот ешь! Что это он не едет, крикни ему. Поехал. Я их по сигналам различаю. Этот — палатку держит возле рынка. Слышишь, какой сигнал завел? Бетховен! Ничего, еще узнаешь всех. Нравится тебе здесь?

ОДИНЦОВ. В общем, да.

ДЕДОВ. Где бы ты еще столько книжек прочел.

ОДИНЦОВ. Именно.

ДЕДОВ. Этой скажи — пусть все-таки отгонит машину.

ОДИНЦОВ. Скажу.

ДЕДОВ. Не она звонила?

ОДИНЦОВ. Нет.

ДЕДОВ. Смотри, Одинцов! Ладно. Потопал. Скучно будет — заходи. В случае чего возьмем в палатке, тут есть круглосуточно. Ну, давай. (Уходит.)

Телефонный звонок.

ОДИНЦОВ. Слушаю. Кто это? (Долгая пауза.) Я знаю, что это ты. Не можешь говорить. Да, я понял. Спокойной ночи.

Смотрит на трубку. Положил. Ждет. Тишина. Взял раскрытую книгу.

"...радости забываются, а печали никогда... Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились... ее руки были холодны как лед, голова горела. Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере..." (Засыпает над книгой.)

